

Вдова / новелла

Category: Neкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Вдова / новелла ВДОВА

Это случилось в охотничий сезон в замке Банвиль. Осень была дождливая и скучная. Красные листья, вместо того чтобы шуршать под ногами, гнили в дорожных колеях, прибитые тяжелыми ливнями.

В лесу, почти совсем облетевшем, было сыро, как в бане. Под большими деревьями: исхлестанными осенними ветрами, пахло гнилью; от застоявшейся воды, мокрой травы и сырой земли поднимались испарения, пронизывая сыростью и охотников, горбившихся под непрерывным ливнем, и унылых собак с опущенными хвостами и прилипшей к бокам шерстью, и молодых охотниц в обтянутых, промокших насквозь суконных платьях; все они возвращались вечером домой усталые и разбитые.

В большой гостиной по вечерам играли в лото, но без особого удовольствия, а ветер шумными порывами колотился в ставни, так что старые флюгера вертелись волчком. Чтобы развлечься, затеяли рассказывать истории, как это бывает в книгах, но никто не мог придумать ничего интересного. Охотники рассказывали анекдоты о ружейных выстрелах или толковали об истреблении кроликов, а дамы, сколько ни ломали голову, не могли обрести в себе фантазии Шахразады.

Все готовы были отказаться от этого развлечения, как вдруг одна молодая женщина, машинально играя рукою старой тетушки, оставшейся в девицах, заметила у нее на пальце колечко из светлых волос; она часто видела его и раньше, но не обращала на него внимания.

Тихонько поворачивая его вокруг пальца, она спросила:

– Скажи, тетя, что это за кольцо? Оно точно из детских волос.

Старая дева покраснела, затем побледнела и сказала дрожащим голосом:

– Это такая печальная, такая печальная история, что я не люблю о ней говорить. В этом причина несчастий всей моей жизни, я

тогда была еще очень молода, и это воспоминание так горестно, что я каждый раз плачу.

Всем сейчас же захотелось узнать, в чем дело, но тетушка не хотела говорить; однако ее так упрашивали, что она, наконец, уступила.

– Вы часто слышали от меня о семействе де Сантезов, ныне уже вымершем. Я знавала трех мужчин, последних его представителей. Все трое умерли одинаковой смертью. Это волосы последнего из них. Ему было тринадцать лет, когда он лишил себя жизни из-за меня. Вам кажется это странным, не правда ли?

О, это был какой-то особенный род, если хотите, – род сумасшедших, но очаровательных сумасшедших, сумасшедших от любви. Все они, из поколения в поколение, были во власти необузданных страстей, безудержных порывов, которые толкали их на самые безумные поступки, на фанатичную преданность, даже на преступления. Это было присуще им, как некоторым присуща пламенная вера. Ведь люди, уходящие в монахи, принадлежат к совсем другой породе, чем салонные завсегдатаи. Среди родных существовала поговорка: «Влюблен, как Сантез». Стоило только взглянуть на одного из них, чтобы это почувствовать. У них у всех были вьющиеся волосы, низко спускавшиеся на лоб, курчавая борода, большие, широко открытые глаза с проникновенным и как-то странно волнующим взглядом.

Дед того, от кого осталось вот это единственное воспоминание, после многих приключений, дуэлей и похищений женщин безумно влюбился в возрасте шестидесяти пяти лет в дочь своего фермера. Я знала их обоих. Она была бледная блондинка, изящная, с неторопливой речью, с мягким голосом и кротким взглядом, кротким, как у самой мадонны. Старый сеньор взял ее к себе и вскоре так привязался к ней, что не мог обойтись без нее ни минуты. Его дочь и невестка, жившие в замке, находили это совершенно естественным, до такой степени любовь была в традициях их рода. Когда дело касалось страсти, ничто их не удивляло; если при них рассказывали о препятствиях, чинимых любящим, о разлученных любовниках или о мести за измену, обе они говорили с одной и той же интонацией огорчения: «О, как

ему (или ей) приходилось страдать при этом!» И ничего больше. Они всегда сочувствовали сердечным драмам и никогда не возмущались, даже если дело кончалось преступлением.

И вот однажды осенью один молодой человек, г-н де Градель, приглашенный на охоту, похитил эту девушку.

Г-н де Сантез сохранил спокойствие, словно ничего и не случилось, но как-то утром его нашли повесившимся среди собак на псарне.

Его сын умер таким же образом в одной парижской гостинице, в 1841 году во время путешествия, после того как был обманут оперной певицей.

После него остался сын двенадцати лет и вдова, сестра моей матери. Она переехала с сыном к нам в Бертильон, имение моего отца. Мне было тогда семнадцать лет.

Вы не можете себе представить, какой удивительный и не по летам развитый ребенок был этот маленький Сантез. Можно было подумать, что вся способность любить, все бушующие страсти, свойственные его роду, воплотились в нем, последнем его потомке. Он вечно мечтал, одиноко гуляя целыми часами по вязовой аллее, тянувшейся от дома до леса. Из своего окна я наблюдала, как этот мальчуган задумчиво расхаживал степенным шагом, заложив за спину руки, опустив голову, и останавливался иногда, поднимая глаза, точно видел, понимал и чувствовал, как взрослый юноша.

Часто после обеда, в ясные ночи, он говорил мне: «Пойдем помечтаем, кузина...» И мы уходили вместе в парк. Он вдруг останавливался перед лужайкой, где клубился белый пар, та дымка, в которую луна обряжает лесные поляны, и, сжимая мне руку, говорил:

– Посмотри, посмотри! Но ты не понимаешь меня, я это чувствую. Если бы ты понимала, мы были бы счастливы. Чтобы понимать, надо любить.

Я смеялась и целовала его, этого мальчика, который меня обожал.

Часто после обеда он усаживался на колени к моей матери и просил: «Расскажи нам, тетя, какую-нибудь историю о любви». И моя мать в шутку начинала рассказывать ему все семейные

предания, все любовные приключения его предков, а этих приключений были тысячи правдивых и ложных. Все эти люди стали жертвою своей репутации. Она кружила им головы, и они считали для себя долгом чести оправдать славу, которая шла об их роде. При этих рассказах, то нежных, то страшных, ребенок приходил в возбуждение и иногда хлопал в ладоши, повторяя:

– Я тоже, я тоже умею любить, и лучше, чем все они.

И вот он начал робко и бесконечно трогательно ухаживать за мной; над ним смеялись, до такой степени это было забавно. Каждое утро я получала цветы, собранные им для меня, и каждый вечер, прежде чем уйти к себе, он целовал мне руку, шепча:

– Я люблю тебя.

Я была виновата, очень виновата и без конца продолжаю оплакивать свою вину; вся моя жизнь была искуплением этого, и я так и осталась старой девой или, скорее, невестой-вдовой, его вдовой. Меня забавляла эта детская любовь, я даже поощряла ее. Я кокетничала, старалась пленить его, как взрослого мужчину, была ласкова и вероломна. Я свела с ума этого ребенка. Для меня все это было игрой, а для наших матерей веселым развлечением. Ему было двенадцать лет. Подумайте! Кто мог бы принять всерьез такую страсть? Я целовала его столько, сколько он хотел. Я писала ему даже любовные записочки, и наши матери прочитывали их. А он отвечал мне письмами, пламенными письмами, которые я сохранила. Он считал себя взрослым, думал, что наша любовь – тайна для всех. Мы забыли, что он был из рода Сантезов!

Это длилось около года. Раз вечером в парке он кинулся к моим ногам в безумном порыве и, целуя подол моего платья, твердил:

– Я люблю тебя, я люблю тебя, я умираю от любви. Бели ты когда-нибудь обманешь меня, слышишь, если ты бросишь меня для другого, я сделаю то же, что мой отец...

И прибавил таким проникновенным тоном, что я вздрогнула:

– Ты ведь знаешь, что он сделал?

Я стояла пораженная, а он, встав с колен и поднявшись на носки, чтобы быть вровень с моим ухом – я была выше его, произнес нараспев мое имя: «Женевьева!» – таким нежным, таким красивым, сладостным голосом, что я задрожала с головы до ног.

– Пойдем домой, пойдем домой, – пробормотала я. Он ничего больше не сказал и шел за мной. Но когда мы подошли к самому крыльцу, он остановил меня:

– Знаешь, если ты бросишь меня, я себя убью.

Я поняла тогда, что зашла слишком далеко, и стала сдержанней. Как-то раз он стал упрекать меня в этом, и я ответила ему:

– Ты теперь слишком взрослый для шуток и слишком молод для настоящей любви. Я подожду.

Мне казалось, что я вышла таким образом из затруднения.

Осенью его отдали в пансион. Когда он вернулся летом, у меня уже был жених. Он тотчас все понял и целую неделю был так задумчив, что я не могла отделаться от беспокойства.

На восьмой день, проснувшись утром, я увидела просунутую под дверь записочку. Я схватила ее, развернула и прочла:

«Ты покинула меня, но ты ведь помнишь, что я тебе говорил. Ты приказываешь мне умереть. Так как я не хочу, чтобы меня нашел кто-нибудь другой, кроме тебя, то приди в парк на то самое место, где в прошлом году я сказал, что люблю тебя, и посмотри вверх».

Я чувствовала, что схожу с ума. Я поспешно оделась и побежала бегом, чуть не падая от изнеможения, к указанному им месту. Его маленькая пансионская фуражка валялась в грязи на земле. Всю ночь шел дождь. Я подняла глаза и увидела что-то качавшееся между листьями – дул ветер, сильный ветер. Не знаю, что было со мною после этого. Должно быть, я дико вскрикнула, может быть, упала без сознания, а потом побежала к замку. Я пришла в себя на своей постели. Моя мать сидела у изголовья.

Мне казалось, что все это я видела в ужасном бреду. Я пролепетала: «А он... он... Гонтран?» Мне не ответили. Значит, это была правда.

Я не решилась увидеть его еще раз, но попросила длинную прядь его светлых волос. Вот... вот... она...

И старая дева жестом отчаяния протянула свою дрожащую руку. Затем она несколько раз высморкалась, вытерла глаза и продолжала:

– Я отказала жениху, не объяснив почему... И... осталась навсегда...
вдовою этого тринадцатилетнего ребенка.

Голова ее упала на грудь, и она долго плакала, погрузившись в
мечты.

И когда все расходились на ночь по своим комнатам, один
толстый охотник, потревоженный в своем душевном спокойствии,
шепнул на ухо соседу:

– Что за несчастье – такая неумеренная чувствительность!

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП
«Аурика», 1994

Перевод С. Иванчиной-Писаревой. Neкаýalar